

Кто кого «закопает»?

С именем отца связано множество анекдотов. Никогда не лезший за словом в карман, живо реагиовавший на происходившие вокруг него события, отец порой неловкой обмолвкой, а иногда и умышленно, вызывал водопад слухов, домыслов, спекуляции, а порой и провокаций. В холодной войне обе стороны стремились истолковать любую двусмысленность в свою пользу. На то она и война, хотя и холодная. Так что «кукуруза за полярным кругом», хотя она и преследовала отца всю оставшуюся жизнь и даже после смерти, по счету холодной войны – невинное зубоскальство.

Другое же приписываемое отцу выражение «Мы вас похороним» или, в иной интерпретации, «Мы вас закопаем» стало в этой войне серьезным психологическим оружием.

Кукурузную историю проследить не трудно, стоит только почитать выступления отца. А вот корни «похоронной» эпопеи долгое время оставались для меня загадкой. Ни в одном из опубликованных выступлений отца ничего подобного я не обнаружил, то есть он не раз обещал похоронить капитализм, империализм, колониализм, но к ним никак не подходят персонифицированные «мы» и «вас». С другой стороны, что-то такое явно имело место.

О том, что отец собирается похоронить американцев, и вообще Америку, я впервые услышал во время его визита в США в сентябре 1959 года. Я сопровождал отца и по протоколу не мог проигнорировать ни одной пресс-конференции, ни одного официального обмена приветствиями. Раз за разом, стоя в самых задних рядах, я выслушивал похожие как близнецы речи, ответы на повторяющиеся из раза в раз вопросы журналистов. Однажды я увильнул, отправился поглазеть на окрестные улицы. Мое отсутствие тут же отметили, газеты объяснили мое отсутствие возможным несогласием с тем, что говорил отец. Он мне выговорил за самовольство. Больше я порядка не нарушал. Так вот, на первой же пресс-конференции по приезде в США отца спросили, почему и когда он собирается хоронить Америку?

– Никакую Америку я хоронить не намеревался, не намереваюсь и не собираюсь намереваться впредь, – без раздражения, как-то по-лекторски объяснял отец. – Живите себе на здоровье. Капитализм же действительно раньше или позже, скорее всего раньше, отдаст Богу душу, и мы все его с удовольствием похороним. Не смердеть же труп, отравляя воздух на Земле. Американцы поймут нашу правоту, выберут коммуниста своим президентом, присоединятся к социалистическому лагерю в строительстве коммунизма. А не захотят присоединиться – их дело. Пусть топчутся на месте, мы же устремимся вперед и на прощание помажем им ручкой «Гуд бай».

«Гуд бай» всем понравился, раздались одобрителные смешки и даже аплодисменты. Пресс-конференция покатила дальше, спрашивали о Германии, о разоружении, о других серьезных, на мой взгляд, вещах.

Газеты опубликовали ответы отца со всеми подробностями, включая «Гуд бай», тем самым, по его мнению, закрыли «похоронную» тему. Но не тут-то было. На очередной пресс-конференции ему снова задали тот же вопрос. Он ответил без раздражения, теми же, что и в предыдущий раз, словами. Никакого эффекта. На следующей пресс-конференции его ожидал все тот же вопрос. Он ответил, но уже короче и раздраженно. На десятый или пятнадцатый раз, в Лос-Анджелесе, он взорвался.

– Который раз вы задаете мне один и тот же вопрос? – сердился отец. – Мне остается предположить, что вы или не читаете собственных газет или провоцируете меня. Не выйдет! Не собираюсь я вас хоронить, у нас своих дел достаточно, сами помрете, сами себя и похороните.

С окончанием визита, казалось бы, умерла и похоронная тема. В Москве аккредитованные там иностранные корреспонденты, дорожа своей репутацией, подобных вопросов не задавали. В Америке же эту страшилку: отец, закапывающий в землю миллионы американцев, «черные» пропагандисты времен холодной войны раскрутили вовсю.

Один из моих американских приятелей рассказывал, как десятилетиями, изо дня в день, местное радио будило его фразой, произносимой хрипло-грубым голосом: «Мы вас похороним». Следует признаться, что в пропагандистском арсенале холодной войны эта находка оказалась чрезвычайно эффектной. Отец невольно помог своим противникам. И как помог! Прекрасный урок – как дорого в дипломатии обходится всего лишь оговорка.

С окончанием холодной войны, придуманный на Западе, образ пустил корни в России. Фраза «Мы вас похороним» стала расхожей и у нас. Вот только откуда она взялась, не помнит никто. Даже дотошные историки не могли разыскать, где и когда отец произнес эти крамольные слова. И говорил ли он их вообще? Журналисты наобум привязывали «похороны» то к визиту отца в США в 1959-м, не к конкретному выступлению, а вообще к визиту, то абсолютно «конкретно» к выступлению отца на Генеральной Ассамблее ООН по вопросу о деколонизации в 1960 году. Кое-кто договорился до полного абсурда, якобы, выступая в ООН, отец в раже снял с ноги ботинок и, колотя им по трибуне, кричал: «Мы вас похороним». Абсурд, но этому абсурду верят до сих пор.

Наконец неопределенность мне надоела, и я решил докопаться до истины.

Ни о визите в США в 1959 году, ни об ООН в 1960-м речи не велось. Что-то произошло, если вообще произошло, то до 1959 года. Я писал, что в 1959 году, во время визита в США, отца об этом уже спрашивали. В ООН фиксируется каждое слово, не только глав правительств, но и любых делегатов. В ее архивах ничего подобного не зафиксировано. Отец тогда пригрозил, что «народы скоро похоронят колониальную систему», но притянуть эту фразу к американцам, даже за уши, не удавалось.

Один мой знакомый американский советолог припоминал, что отец что-то подобное говорил в Москве, в польском посольстве, но что и когда, он не помнил.

Ответ пришел неожиданно. В 2001 году американский радиожурналист Даниэл Шорр опубликовал воспоминания «Остаюсь настроенным на волну». И сразу все встало на свои места. Мой друг советолог оказался прав. Памятное событие произошло в конце 1956 года, в ноябре, во время визита в Москву польской правительственной делегации во главе с Гомулкой.

Отношения СССР и Запада тогда напряглись до предела: они нас поливали грязью за «подавление восстания в Венгрии», мы их обливали помоями за «агрессию Англии, Франции и Израиля против Египта». Ни та ни другая сторона не стеснялась в подборе выражений, чем хлестче, тем лучше.

Гомулку, нового польского лидера, принимали в Москве по высшему разряду, на аэродроме встречали делегацию всем Президиумом ЦК, с готовностью пересмотрели установленные Сталиным и, по польскому мнению, заниженные цены на силезский уголь, заключили выгодное полякам соглашение о поставке по заниженным ценам советской железной руды и зерна. В общем, ублажали их как могли. Гомулка заверял нас в вечной дружбе.

Пришла пора прощаться. 17 ноября 1956 года в раззолоченном Георгиевском зале Кремля советское правительство давало полякам прощальный прием. Столы ломились от закусок, в торцах каждого из них выстроились шеренги бутылок с коньяком, водкой, грузинскими винами, нарзаном, боржоми. Отец на сей раз приказал кремлевским службам не скупись. Отношения с Польшей того стоили.

Прием шел по накатанной колее: ели, пили, шутили, отец знакомил Гомулку с советскими знаменитостями: музыкантами, актерами, писателями. Начал его по-свойски звать Веслав. Обращение по имени для отца являлось не панибратством, а проявлением высшей степени доверия, обычно даже к ближайшим коллегам и помощникам он обращался по фамилии, реже по имени и отчеству.

Наступило время обмена заключительными тостами. Все с напряжением ждали, что скажет отец. После поражения мятежа в Венгрии он еще не выступал на публике и, естественно, не мог обойти ни Венгерских событий, ни войну в Египте. Всех интересовало и то, как на его слова отреагируют, присутствовавшие в зале западные послы. Их поведением дирижировал посол США Чарльз «Чип» Болен. Отец его не любил, особенно после прошлогоднего визита в Москву западногерманского канцлера Конрада Аденауэра. Они тогда договорились о нормализации отношений. Отец рассказывал, что когда переговоры подошли к завершению, канцлер отвел его в сторону и доверительно попросил подписать основные документы как можно скорее, пока о них не узнал Болен. «Он хочет все испортить», – почти шептал отцу в ухо Аденауэр, заинтересованный в соглашении поболее отца, ведь в нем, помимо всего прочего, имелся пункт о возвращении на родину немецких военнопленных.

Документы подписали, а Серов доложил отцу, как в приватной беседе Болен задним числом выговорил немецкому канцлеру «за просоветскую мягкость формулировок».

По протоколу, на приеме первым выступал Гомулка. Вслед за ним взял слово отец. Он, как полагается, начал с успехов Народной Польши, отметил укрепление позиций нового польского руководства. Отец говорил монотонно, не отрывая глаз от текста, сегодня он выдерживался от ставших уже привычными импровизаций. Слова отца о Венгрии прозвучали относительно нейтрально, он вскользь коснулся происшедших там событий и заговорил о «нерушимой польско-советской дружбе». Болен слушал с каменным лицом. Послы Англии, Франции и Израиля то и дело бросали на него быстрые взгляды.

После слов отца: «Разбойничье нападение Англии, Франции и их марионетки Израиля на Египет является отчаянной попыткой колонизаторов вернуть утраченные позиции, запугать силой народы независимых стран. Но теперь уже не те времена, когда можно было захватывать слабые страны», Болен еле заметно повел головой и, не оглядываясь по сторонам, демонстративно направился к выходу. За ним потянулись послы Англии, Франции, Израиля, других западных стран.

То, что ушли послы стран, названных поименно агрессорами – естественно и соответствовало всем международным правилам, а вот поведение Болен противоречило заявлениям президента США Эйзенхауэра, осудившего агрессию против Египта.

Правда, отец не верил в искренность слов американского президента, считал его заявление политической «дымовой завесой», под прикрытием которой Англия и Франция завершат свое дело, а там с них и взятки гладки. Прекращение боевых действий в Египте он ставил в заслугу себе, приписывал нашей жесткой позиции, и не в последнюю очередь своей собственной устной угрозе, переданной 5 ноября через советских послов премьер-министру

Великобритании Энтони Идену и главе правительства Франции Ги Молле: «Если все не прекратится в течение суток, мы вмешаемся и не остановимся перед любыми мерами, а то, что у нас есть ракеты с ядерными боеголовками, способные долететь до Лондона и Парижа, вы сами знаете». Через 24 часа после получения ультиматума боевые действия прекратились.

Пока в Георгиевском зале происходили неприятные перемещения, отец заканчивал читать текст. Он краем глаза следил за происходившим. Наконец он провозгласил тост за дружбу, все начали чокаяться. Однако настроение и ему, и гостям Болен со своей командой подпортил изрядно.

На следующий день, 18 ноября, Гомулка давал в посольстве Польши ответный прием. Все шло размеренно, по протоколу, но присутствовавшие напряженно ждали заключительных тостов, то и дело поглядывали на стоявшего особняком Болен и кучковавшихся вокруг него послов трех стран – «героев» Суэцкой эпопеи.

Обмен речами начинался с Хрущева, в посольстве он – гость. Подойдя к микрофону, отец покопался в боковом кармане пиджака, вытащил оттуда сложенные вдвое маленькие, в полстранички, белые листочки. Потом из другого кармана достал очешник, вынул из него очки в тонкой золоченой оправе, водрузил их на нос, развернул листочки и обвел взглядом зал. Слушатели прекратили стучать вилками, поставили тарелки и бокалы на столы. Можно начинать.

– Не может быть такого вопроса: «Нужно ли мирное сосуществование различных государств?» – размеренно, без особого выражения читал отец заранее заготовленный текст. – Сосуществование – это признанный факт того, что есть налицо. (Не могу удержаться, эта фраза не делает чести лучшим журналистским перьям страны, собранным в его пресс-группе.) Мы говорим представителям капиталистических стран: если хотите, можете ходить к нам в гости, не хотите, можете не ходить. Нас это особенно не огорчит. Но сосуществовать нам необходимо... Мы, ленинцы, убеждены, что наш общественный строй – социализм – в конечном счете победит капитализм. Такова логика исторического развития человечества. Когда представители буржуазного мира говорят о венгерских событиях, они употребляют различные слова: «о советской агрессии», «о вмешательстве во внутренние дела других стран» и тому подобное, – продолжал отец. – Но когда речь заходит об агрессии колонизаторов против Египта, то это, по их утверждениям, оказывается не война, а всего лишь невинные «полицейские мероприятия» с целью наведения «порядка» в этой стране. Но теперь все видят, что это за «мероприятия» и какие «порядки» там наводятся. Это мероприятия колонизаторов по наведению колониальных порядков в Египте... Теперь не те времена, когда колонизаторы могли навязывать свою волю народам.

Болен и стоявшие рядом послы «стран-колонизаторов» застыли с непроницаемыми лицами. Покинуть демонстративно зал в этот момент они не могли, отец не назвал ни одной из стран, и их уход означал бы, что они приняли слова отца на свой счет, как говорится «на воре шапка горит!». Такое в дипломатии недопустимо.

– Поскольку мы живем с капиталистическими государствами на одной планете, нам надо повседневно искать все новые способы развития мирного сосуществования, – продолжал отец. – Мы думаем, что руководители Англии, Франции и Израиля трезво взвесят все обстоятельства и выведут свои войска из Египта. Надо требовать и добиваться немедленного вывода войск агрессоров из Египта.

Болен встрепнулся, страны названы, пора... Он кивнул окружавшим его послам, выпрямился и твердыми шагами направился к двери. Его «команда» последовала за ним.

Отец ожидал подобной реакции, но, тем не менее, она его и расстроила, и разозлила. Второй день подряд этот Болен устанавливает здесь свои порядки, а ведь он в «венгерском параграфе» не упомянул США, хотя и мог, они того заслуживали: подстрекали венгров к мятежу, обещали помощь и даже свое военное вмешательство.

На мгновение эмоции возобладали, отец зло бросил в спину Болену: «Не от вас зависит, существуем мы или нет. Если мы вам не нравимся, не принимайте наших приглашений и не приглашайте нас на приемы к себе в посольства. Нравится вам или нет, но история на нашей стороне. Мы вас похороним».

Болен его слов не услышал, в этот момент он уже скрылся за дверью. Отец взял себя в руки и продолжил речь, заговорил о дружбе с Польшей, о единстве социалистического лагеря.

Вслед за отцом выступил Гомулка. Но журналисты их больше не слушали. Они получили более, чем даже ожидали. Болен с союзниками не только покинули прием, это уже стало рутиной, но и спровоцировали отца на такую сочную фразу вдогонку. Сочную фразу растиражировали все мировые агентства, а потом ее «препарировали» специалисты «черной пропаганды». Им и выдумывать почти ничего не пришлось. Отец сам подарил им отличную «страшилку» о самом себе. Специалисты только «почти незаметно» ее подправили – на место абстрактного «капитализма» поставили конкретных «американцев».

Отредактированное пресс-группой выступление отца поместили все советские газеты. «Мы вас похороним» в них отсутствовало. И отец, и его помощники из редакционной группы сочли эти слова недопустимо агрессивными, в чем-то вульгарными и попросту выбросили их из окончательного текста. Сравните пассаж, приведенный Даниэлем Шорром, с рассказом о «хождении в гости» в цитированном выше по газете «Известия» выступлении отца. Все там так, да немного не так – обычная редактура обычного выступления. Если бы отец предвидел или ему бы подсказали многоопытные газетчики, какие пропагандистские дивиденды можно извлечь из этих трех произнесенных в запале слов: «Мы вас похороним», наверное, можно было что-либо придумать. К примеру, оставили их в тексте, а дальше добавили бы что-то вроде «народы мира все вместе похоронят капитализм и его порождение – империализм». Не знаю, помогло бы такое редактирование? Не зря говорится: «Слово не воробей, вылетит – не поймаешь». Но они и не пытались его поймать, сделали вид, что «неудобные» слова никогда и не произносились. Профессионалам такое не прощают, но отец простил. Никого не уволил и даже никому не выговорил.

Отец не уникален, подобные «ляпы» можно найти практически у любого мирового политика. В большей части они проходят бесследно, но если за них берутся профессионалы...